

Екатерина Кожевникова

МЁД ПОДЫНИ

И злая старуха-смерть уже идёт по пятам

Славянские миры. Фэнтези для подростков

Екатерина Кожевникова

Мёд полыни

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Е. С.

Мёд полыни / Е. С. Кожевникова — «Эксмо»,
2024 — (Славянские миры. Фэнтези для подростков)

ISBN 978-5-04-247073-8

Как начать новую жизнь, если твою семью преследует мстительный дух ведьмы? Стожар всегда знал, что не похож на прочих жителей деревни, ведь он может видеть умерших. Пока отец наказывает ему забыть о потустороннем мире, юноша тянется к нему лишь сильнее. Когда любимая Стожара оказывается под чарами колдовского сна, ему приходится отправить в темный мир Нави, чтобы не только попытаться спасти ее, но и узнать тайну своего происхождения, которая изменит его жизнь навсегда.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247073-8

© Кожевникова Е. С., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог. Новыми дорогами	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Кожевникова

Мед полыни

Иллюстрация на обложке *Zirrra*.

Иллюстрация на форзаце *ewsays*.

Дизайн *Анастасии Грищенко*.

Дизайн обложки *Марии Фроловой*.

Иллюстрации в блоке *Дары Вдовиной*.

© Кожевникова Е., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается моим бабушкам и дедушке, благодаря которым фольклорные сказки всегда живут и звучат в сердце.

Моему мужу – Павлу Кожевникову, который поддерживает и в писательстве, и в самые сложные моменты, без которого не удалось бы пройти этот сложный путь.

И каждому читателю, когда-то поверившему и открывшему первую часть – «Сказ о Яре и Чернаве». Знайте, что эта книга существует благодаря именно вам.

Пролог. Новыми дорогами

*Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом:
звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас.*

© *Иммануил Кант*

И пепел на месте прежней жизни.
И вкус едкого дыма с привкусом крови
оседал на губах.
И ни следа не осталось от дома.
И злая старуха-смерть уже шла по пятам.

Ярун молча наблюдал за дымом, поднимающимся от развалин и тлеющих бревен на месте собственного дома. Злость, отчаяние, обида закипали в душе, а жгучее чувство вины разъедало сердце: могло ли все сложиться иначе? Ждет ли впереди лучшая жизнь? Или дух мертвой ведьмы теперь будет преследовать их вечно?

Перехватив покрепче корзину с маленьким сыном, Ярун спешно покидал деревню, оставляя позади родимый дом, семью, друзей и все, что раньше сердцу было знакомо и дорого. Страх гнал его прочь.

Холодные росинки таяли на глазах, паря в воздухе белесым туманом, извивающимся в золотистой рассветной дымке. Проскакал по небесному своду белый конь утренней зари – поднялось красно солнышко, страшная ночь осталась позади. На выходе из деревни Ярун повстречал знакомого мальчишку-пастуха: тот заметил дым от пожара и поспешил поделиться куском свежего сыра.

Долго ли, коротко ли отправился наш герой куда глаза глядят: сам рыжий, долговязый, с холодным взглядом, через плечо – корзина с младенцем, флягой воды и куском сыра. Постепенно густой темный лес расступился, сменившись полями да речушкой – Ярун вышел к одной из соседних деревень. Сердобольные жители помогли и поделились с погорельцами кто яблоком и крынкой молока с простым куском хлеба, кто старой обувкой и ношенными детскими вещичками, кто веревкой пеньковой. Он каждого поблагодарил за помощь, недолго передохнул и заспешил дальше от родной деревни, изредка останавливаясь в лесу на привалы. Яруна не покидало чувство, будто ледяное ведьмино дыхание догоняет и холодит спину.

Минул день, солнце красное закатилось, опустились на землю холодные сумерки, застигнув путника в редкой рощице у леса. Ярун отыскал крепкий старый дуб, перекинул веревку через ветку и осторожно подтянул корзину с младенцем повыше, а затем забрался сам и привязал себя с люлькой к дереву.

За считанные минуты небо потемнело, развернувшись звездным ковром, словно конь вороной по нему промчался, разметая последние остатки закатных лучей и тепла. Заухали совы, взметнулись в воздух летучие мыши, а ночные тени задвигались меж деревьями. Ярун съезжился в комок, устраиваясь удобнее между жесткими ветвями и покачивая люльку. Десятки раз он так же высиживал в ночной засаде с друзьями, выслеживая лошадей перед кражей, высматривая отбившийся скот или замышляя новую шутку, чтобы девок испугать. Но раньше это было забавой, а за компанию с верными друзьями и попасться было нестрашно. Сейчас же угрозой были дикие звери, что могли в ночи напасть, а вокруг – ни души, чтобы позвать на помощь, да и бежать некуда. В одиночку Ярун с жизнью путника справился бы, дури и смелости ему и не на такое хватало. Вот только быть главарем деревенских баламутов и быть отцом – разные вещи, подвергать сына опасности он не мог.

«Куда деваться? Завтра будем искать пристанища у людей. Иначе долго мы не протянем...» – размышлял путник, постепенно проваливаясь в тревожный сон, полный лесных шорохов.

* * *

Навь.

Пересекая последнюю границу – мост Калиновый, души попадают в царство, где живым нет места: там властвуют колдовство и темные силы, там опасные тропы ведут к беспокойным душам мертвецов, или к древним богам, ведающим тайны мира. Там обитают темные отражения живых – зло и боль, что люди мечтают вытеснить из своей жизни. И тянутся к смурному небу бесконечно высокие кривые деревья.

В Нави свои законы: здесь наружу всплывает вся жестокость и неприглядная правда. Навь слепа, но следит за каждым тысячью глаз. Чем дальше погружаешься в нее – тем сложнее оставаться собой и сохранять человеческий облик.

Черная болотистая земля всхлипнула, дрогнула, нарушив привычную замершую тишину, из ниоткуда вдруг появилась нора, из которой выкатилось перепуганное существо.

Ведьма, скрючившись, завывала, кашляла и каталась по серому мху, пытаясь сбить с себя дым и мелкие языки пламени. Убедившись, что огня больше нет, она всхлипнула и приподнялась на локте, осматриваясь.

– Проклятье! Снова Навий лес... – выругалась она, скрипнув желтоватыми зубами и усаживаясь на мокрой земле.

Темные волосы, криво обрезанные у подбородка, растрепались и свисали сальными прядями. Длинные пальцы, словно кривые прутья, но с острыми когтями были перепачканы в крови и грязи. Полупрозрачное тело, руки и шею ведьмы опутали тонкие нити, связанные в сотни узлов, мешающие ей свободно двигаться. Грудь и плечи пронзали насквозь десятки острых кинжалов и игл. Из ран сочилась мутная, темная, густая, как кисель, кровь. Она струйкой сползала изо рта и носа по бледной зеленоватой коже, заливая лицо, пачкая остатки рваной одежды, убегая ручейками к мокрой земле. Ведьма шурилась, напряженно всматриваясь в плотные сумерки мертвого леса.

Оживленный непривычно громкими звуками сизый туман заколыхался, задвигался, обретая очертания полупрозрачных фигур. Медленно, как капли первого дождя, из-за стволов начали появляться духи умерших людей, похожие на сгустки дыма, плывущего над землей: некоторые совсем безликие, у других же просматривались черты лица и детали похоронных одежд. С каждым мгновением поляна заполнялась призраками, и уже десятки острых взглядов пронзали новоприбывшую.

– В царстве вечной тишины – да такой грохот? Это редкость. Что бедолага натворила, кто знает? – с интересом двинулась вперед одна из душ, черты лица которой настолько сгладились, что ничего, кроме глаз, не осталось.

– Да, таким уродцем в Навь провалиться – надо сильно постараться, – послышался ехидный женский голос.

– А не эта ли злыдня извела корову моей внучки, чтоб семья голодала всю зиму? – вдруг заколыхалась одна из фигур, похожая на пожилую женщину, тыча в девушку полупрозрачным пальцем.

Призраки беспокойно зашелестели.

– Колдунья, что ли, деревенская?

– Ведьма!

– Ишь, смотри, морда злобная какая...

– Эта! Что там корову, она своими заклятьями на меня хворь наслала и добила! – зачестила вдруг одна из фигур, на вид – немолодая женщина из состоятельной семьи, вся в украшениях и с дорогими бусами.

Чернава обернулась, присмотрелась к призраку богатой женщины и ехидно оскалилась.

– Ах, ты ли это, Лада? Мне жалеть не о чем. Сколько ты моей крови выпила, так теперь уж мой черед настал!

– Мерзкая змеюка, вся в мать! – лицо призрачной женщины исказилось, с громким шипением она ринулась на Чернаву, пролетая через других духов. Две женщины, яростно бранясь, вцепились друг другу в волосы, пытаясь нанести увечья, словно еще оставались живыми.

На поляне поднялся гул, зашелестели хриплые голоса, кольцо духов сжалось плотнее.

– Доколе шумиха будет? Разнимайте их, пусть не нарушают порядок! – возмутился кто-то из толпы.

– Может, не так эта колдунья страшна, разобраться бы...

– Да, шаз, тут и думать не о чем! Злодейка она! Весь год урожай топтала, курей губила, скотину портила...

– Не давайте ведьме спуску!

– Разорвем ее на кусочки, чтоб неповадно было! Пусть апосля себя по Землям забытых собирает, по одной ниточке! – заревела одна из душ и ринулась в драку.

Все, обиженные за себя или потомков, наконец могли поквитаться с вредительницей. Обычно безмолвный Навий лес заходил ходуном, деревья закачались от шума. Вся скопившаяся боль, злоба и ненависть вдруг встретились с другой злобой и ненавистью, готовые разорвать в клочья мертвенно-серое небо.

Внезапно раздался грозный нечеловеческий рык. Врезаясь в толпу призраков, в самую гущу драки ворвались две звериные фигуры: с жутким лаем и повизгиваниями они начали раскидывать и рвать напавшие души. Из пастей животных капала ядовитая слюна, от которой земля вокруг дымилась, клыки и острые когти хоть и не могли уничтожить духов, но наносили им увечья, которые затягивались с трудом. Испугавшись натиска и ярости зверей, призрачные тени начали отступать, прятаться за деревьями, поврежденные – растворялись и исчезали. Вскоре поляна расчистилась, осталась лишь одна надломанная скрюченная фигура. Лысые, изломанные, все в шрамах и с вывернутыми конечностями собаки обнюхали девушку и вдруг обрели смутные человеческие очертания. Полулюди с вытянутыми звериными лицами застыли, поскуливая и подобострастно глядя вдаль. Они охраняли покалеченную ведьму, которая дрожала, свернувшись калачиком и пытаясь вновь собрать свое переломанное тело. Из темноты сумеречного леса на поляну беззвучно выплыла призрачная фигура и наклонилась над ведьмой.

– Сколь ни старалась ты, сколь ни противилась, а все равно оказалась там, где предрекали.

Вздвигнув, Чернава заставила себя открыть глаза, с трудом перевернувшись и взглянуть на две звериные фигуры и призрака. Темные зрачки ее расширились, заполняясь ужасом, оставшиеся пальцы вцепились в землю, а в груди льдом застыл хриплый крик.

* * *

После долгой и неудобной ночевки на дереве разбуженный с утра криком младенца Ярун смог преодолеть еще несколько часов пути по бурелому, но от усталости уже еле переставлял ноги. Сражаться с ломотой в теле, голодом, комарами и жарой больше не было сил, да еще и ребенка то качать, то кормить, то успокаивать приходится – Стожар ведь еще совсем несмышленищ, всего полгода недавно минуло.

Давно перевалило за полдень, когда парень набрел на крошечную деревеньку у края леса. Ближе всех стояла маленькая, слегка покосившаяся, но ладная избушка. Во дворе никого не было, но из открытого окна доносился головкружительный запах капустной похлебки. Задыхаясь от усталости, преодолевая боль в спине, Ярун прошел мимо плетня и громко постучал в дверь. Долго никто не отвечал, а затем послышались медленные шаркающие шаги и засов загремел, дверь отворилась, выпуская на улицу ароматный пар.

– Здравствуйте, хозяева добрые! Я путник, ищу ночлега и пристанища, надолго не задержусь. Попрошусь лишь погреться да немного еды, – устало протянул Ярун с надеждой в голосе.

Кто-то настороженно разглядывал путников в тонкую щелку, но лица хозяина было не разглядеть. А затем дверь и вовсе захлопнулась.

Ярун опешил: законы гостеприимства для всех нерушимы и писаны самими Богами, каждый путник ночлега да краюшки хлеба даже у самых скупых хозяев всегда допросится. Равно как и смертельные враги в гостях друг друга ни обидеть, ни убить не имеют права. А иначе как выжить обездоленным и странствующим? Ну, а что теперь поделаешь. Ярун пожал плечами, подтянул выше корзину на ремне и развернулся к лесу.

Дверь вдруг отворилась, на пороге появилась миска с едой.

– За домом поленница да курятник, там отдохни покаместь¹. Скоро муж вернется, сам решит, как быть с тобой, – слышался тихий старушечий голос.

* * *

– Ты уж не сердчай, добрый человек, что мы тебя в дом сразу не пустили да встретили неприятливо, – бодро махнул рукой седовласый хозяин дома. – В лесах здешних разбойники завелись. Так иного незнакомца обогреешь – сам утром не проснешься. Слышали мы про таких... Доброслава, ты ему еще похлебки подлей, неча скупиться. А то худощавый, как жердь...

Крепко сбитая низенькая старушка в рабочей рубахе, грязноватом платке и заляпанном переднике засуетилась, подливая Яруну еще капустного супа. Руки у нее приятно пахли молоком и хлебом, который она размочила для маленького Стожара. Эти запахи и трепетная забота напоминали гостю о родном доме. Он хотел отказаться от второй добавки, но с набитым ртом попробуй внятно откажись.

Напротив за столом доедал щи и сам хозяин – седой, высокий и жилистый старичок Деян. Он недавно вернулся из леса с большой котомкой высотой в половину своего роста, разбудил спящего под навесом парня с ребенком в корзине, оглядел их и пустил в дом. Одежда и белая борода были перепачканы, к ним прилипли сосновые иголки, листья и пыль.

– Опять стираную рубаху надел, дня в лесу не пробыл, а весь в грязюке, – заворчала старушка, умело сворачивая из тряпочек и гороха погремущку ребенку.

– Что мне, грязным в лес ходить, перед Лешим позориться? – сурово посмотрел Деян на жену, а затем вдруг улыбнулся. – Ничего, вот увидишь язык, который я добыл, так ворчать перестанешь сразу.

– Язык? – удивился Ярун.

– Пчелы такие строят и мед в них хранят, а я его срезаю и мед выкачиваю. Бортниками нас называют.

– А как? – с интересом уставился Ярун. Его родная деревня хоть и была большой, но бортники в ней не жили – приходилось перекупать мед у соседей или ждать приезжих торговцев.

– Ишь, интересно стало? Так оставайся, обучу тебя с сынишкой ремеслу. Да и нам с бабкой по хозяйству подмога будет.

– Всю жизнь сына нашего пытался учить, да ему не по нраву с пчелками вошкаться, – вздохнула старушка и опустила на лавку рядом, придвигая поближе свою тарелку. – Теперь тот оженился, дом содержит, корову завел. Не до нас ему, жизнью своей живет, хоть и рядышком совсем. А Деяну только за счастье ремесло кому-то передать, раз сын бортничать захотел. Оставайся, милоч. Аль ты куда-то путь-дорогу держишь?

У Яруна сердце защемило. После скитаний по лесу он понимал, что с дитем на руках так долго не прожить, но в родную деревню тоже не вернуться. Идти некуда – впереди никто не ждет, а здесь добрые люди предлагают кров, пищу и работу. Да и ребенку расти в доме явно лучше, чем в скитаниях. Только была одна загвоздка.

– Не смогу остаться. Я вам благодарен, но добротой пользоваться не стану, чтобы беду ненароком не привлечь, – Ярун угрюмо потупился и понизил голос. – Дух злой покоя не дает.

Старик со старухой переглянулись с подозрением.

– Что за дух-то?

Но Ярун только головой мотнул, не желая их пугать рассказами.

¹ Покаместь – пока.

– Ежели чего, мы умеем нечисть отгонять и тебя обучить сможем. А коли подберется Кикимора какая – так мы ее скрутим в бараний рог... – задиристо махнул ложкой над головой дед, за что тут же получил от жены хлопок по руке.

– Боюсь, не всякую Кикимору легко скрутить можно, – улыбнулся Ярун, наблюдая за ними, одной рукой покачивая корзину с ребенком.

– Ну, ты оставайся, поживи, а уж там поглядим.

– Будь по-вашему, – после недолгих раздумий ответил гость. – Поглядим.

* * *

Доброслава молча обеспокоенно наблюдала за ребенком через маленькое окно: Стожар сидел в траве и, сгребая крошечными пальцами песок и камешки, кидался в двух куриц с цыплятами. Птицы встревоженно отпрыгивали, прекращая искать червей, цыплята испуганно пищали и бегали по двору, а ребенок залиvisto смеялся.

– Беспокоит меня дите. Что-то не то с ним, – покачала головой старушка.

Деян весь день переливал мед из сот в дубовую кадуюшку, поэтому остался дома. Заглянув жене за плечо, он ворчливо проскрипел:

– Мнительная ты стала совсем, ужо в дите неразумном разбойника углядела. Ну, кидается песком...

– Метит в курей и хохочет, будто со страха их веселится.

– Ой, будет тебе! Экий малой в детстве котов по двору не гонял?

– То правда, да не вся.

Тем временем из-за дома вышел Ярун, отмывавший от липкого меда посуду, посмотрел на сына, осторожно поймал его за руку, присел рядом и начал что-то втолковывать.

– Видишь? – махнул рукой Деян. – У дитя отец есть, он за ним следит, опекает, постоянно учит. И работник из него хороший, столько по дому делает, с пчелами помогает. Скоро с собой в лес Яруна возьму, покажу, как с бортиями² обращаться. Так чего ты ворчишь? Чем он не по нраву пришелся?

– Нет, сам Ярун молодец, и нам подмога хорошая. Токмо сынишка у него хоть и мал, да чудной. Бывает, сидит-сидит, и вдруг на стену али за спину мне как уставится, глазенки круглые, страшные, разноцветные. И что-то бормочет непонятное, руками машет, будто видит кого-то. Обернешься – там пустота. Как со стеной разговаривает.

– Мало ли, играет, байкой сам себя занимает, – засмеялся хозяин дома.

– Да какая ж то игра, Деян? Говорю тебе, чудной он. Будто Домового видит али еще кого...

– Вот, бабка, глупостей напридумаешь и сама себя ими пугаешь! На ребенка напраслину возводить, никакого стыда у тебя нет! При парне не вздумай брякнуть...

Приоткрытая дверь скрипнула, хозяева обернулись. На пороге нерешительно топтался Ярун с сыном на руках, не желая вмешиваться и прерывать спор. Встретившись взглядом с Доброславой, он нахмурился, отвернулся и прошмыгнул вглубь избушки к печке.

Дождавшись, пока Ярун накормит сына, хозяин дома осторожно подошел к гостю:

– Парень, ты, ежели чего, на бабку мою не серчай. Она пугливая, ей разбойники и нечисть везде мерещатся, – махнул рукой Деян. – Не со зла глупости болтает...

– Она не просто болтает, я тоже замечаю все, о чем Доброслава толкует, – жестко и холодно оборвал его Ярун. – Вижу, но не знаю, что делать.

² Бортии – жилища пчел, вырезанные или образовавшиеся на высоте в древесных стволах.

* * *

– Прочь уйди от меня, поганая нечисть! – обезумев от страха, не чувствуя боли, Чернава цеплялась за мокрую окровавленную землю остатками пальцев, отползая к корням деревьев.

За ее попытками с иронией во взгляде наблюдала призрачная женщина: черты лица резкие, словно из камня высеченные, на щеках – гнилые провалы, сквозь которые зубы острые проглядывают, глаза – черные омуты, волосы – серая пакля с проседью, распущенными космами до земли болтаются, а вместо одежды – древний полуистлевший мешок как на скелете висит. В белых костлявых пальцах женщина лениво перебирала концы двух веревок, которые тянулись к двум душам, что ни на людей, ни на зверей похожи не были – при виде хозяйки они испуганно прижались друг к другу и затихли. Ведьма-многодушница не обращала внимания на пленных существ. Она склонила набок голову и противно захихикала, подбираясь к испуганной Чернаве.

– Я-то уж давно нежить. А ты кто теперь, Яра?

Услышав свое старое имя, девушка замерла и уставилась прямо в лицо женщины.

– Я больше не Яра. Теперь осталась только Чернава, – тихо пробурчала она, подбирая с земли оторванную призраками руку и приставляя на место.

– Что ты там бормочешь? – улыбнулась ведьма-многодушница, обнажая острые зубы. В ее черных глазах вдруг мелькнули красные искорки.

– Чернава я! Не человек, а нежить, навья тварь, – сорвалась и хрипло закричала девушка. – А все твоими погаными стараниями...

– Моими стараниями? – внезапно пришла в ярость ведьма, подскочила и вскинула руку с грязными когтями в сторону девушки. Балахон ее затрепетал, взметнулся, в воздухе разлился нестерпимый запах гнили и разложения.

Неведомая сила подбросила Чернаву вверх и с размаху ударила о ближайший ствол. Гнилое дерево заскрипело, покачнулось, от корней вверх пошла трещина, и на Чернаву обрушилась толстая ветвь. Свернувшись клубком, девушка испуганно заскулила, прикрывая голову остатками рук. Ведьма-многодушница взмахнула второй рукой – и ветвь с хрустом отлетела на другой конец поляны. Резким шагом она приблизилась к Чернаве, схватила за волосы, заставила сесть и посмотреть себе в глаза.

– Пока проваливалась в Навь и по Калинову мосту сюда катилась, хозяин мира мертвых тебе наказания за проступки придумывал. За что кинжалами и иглами тебя изранило, Чернава?

– За обиды, – всхлипнула девушка. – За то, что все горести свои лелеяла, врагов прощать не научилась и каждому мстила. При жизни они в груди болели, теперь кинжалами торчат.

– А нитями тебя за что опутало?

– Чтобы помнила, как нити людских судеб рвала и портила, жизни их меняла, как заблагорассудится³.

– А кого ты насильно к себе приворожила, хоть знала, что надолго его не удержать?

– Яру-уна, – захлебнулась слезами девушка.

– А кто тебя убил и обрек вечно в Нави гнить?

– Он, Яру-у-у-ун! – злобно засипела Чернава.

– Что, отомстила обидчикам? Исправила судьбу? Привязала милого, который даже смотреть в твою сторону не хотел? Долго радовалась и жила как в мечте, ведьма? Пожинаешь плоды теперь? Не моими стараниями ты очутилась здесь, дурында, а по своей воле! – многодушница отпустила волосы Чернавы, уронив ее на землю, и с презрением отступила.

– Подожди!

³ Подробнее о событиях в книге «Сказ о Яре и Чернаве».

Ведьма разворачивалась, чтобы уйти.

– Матушка!

– Признала, – хмыкнула многодушница, подтягивая к себе двух привязанных полулюдей-полусобак.

– В прошлый раз в Нави ты меня защитила, помоги и теперь! Ты же все-все про мир мертвых знаешь. Я в долгу не останусь, проси что хочешь...

– Что мне просить у тебя, глупая? Ты – мертвая. От живой хоть какой-то толк был, но не успела доучиться ремеслу ведьмовскому. Правда, без меня ты здесь пропадешь – обиженные души разорвут на клочки и ниточки, вовек не соберешься, от боли вечно страдать будешь. Меня они боятся, я ведь собак спустить могу. Да и не только их... – настойчиво дернув за веревки, ведьма протащила по земле двух пленных существ.

– Ну, подожди! Не злись! – виновато склонив голову, промямлила Чернава, кое-как поднимаясь с земли и собирая воедино свое искалеченное тело. – Хоть ты мне и мать, а я до сих пор ничегошеньки о тебе не знаю, кроме кривотолков, и не понимаю, чему верить. Почему ты помогала мне? С чего над смертью моей язвись? Я даже имени твоего не знаю!

– Стужей меня звать, – бросила через плечо ведьма, горделиво расправляя плечи.

– Стужей... а почему Стужей? Зимой родилась?

– Потому что холоднее сердца ты во всей Нави не сыщешь, – оскалилась и гулко засмеялась ведьма, оборачиваясь к дочери. – Моему равнодушию даже Кощей подивился. Просишь защиты – так шевелись! И дерзить мне впредь не вздумай!

Медленно переставляя призрачные ноги, пытаясь выровняться, Чернава ковыляла за матерью и ее плененными душами в Навий лес. Туман молочной пеленой затягивал их следы, а за спинами оставались сотни безмолвных бледных фигур.

* * *

– Слушай внимательно: как заметишь, что сынок ведет себя странно, рассыпь рядом соль. Она от нечистой силы – первейший защитник, – наставляла Яруна Доброслава.

– И то верно. Я без мешочка в лес не вхожу, а ежели плутаю на знакомых тропинках – рассыпаю немного соли и домой сразу путь нахожу, – одобрительно кивнул дед Деян. – Раздобыть ее дюже непросто, да и недешево, но заезжие торговцы на больших ярмарках меняются охотно на вкуснейший мед.

– Не токмо соль, Деяна еще и сам мед защищает, маленькую плошку всегда с собой носит.

– А мед чем поможет? Нежити ноги склеить? – улыбнулся Ярун.

– Ты мне тут похихикай еще, ишь, зубоскал, – погрозила ему пальцем бабка Доброслава. – Слушай внимательно: мед пчелы приносят, он светом солнечным напоен, его всякая нечистая сила не жалует и боится. А еще помогает полынь: развешивай ее по дому, сжигай, с собой носи – дым и горький запах всякую дрянь отпугивают, особенно русалок и мертвецов оживших, – при упоминании мертвецов Ярун посерьезнел, остатки ехидной улыбки в уголках его глаз растаяли, он перестал перекидывать из руки в руку мешочек с солью.

– Спасибо на добром слове, бабушка Доброслава. Да только не могу же я целыми днями рядом с сыном сидеть да посыпать его солью, полынью...

– Ясное дело. Мы завтра из дерева амулет защитный вырежем, коника⁴, пусть дите оберегает. А еще ведьмы всего острого боятся: ножей, иголок, булавок железных...

– Все, бабка, не дури парню голову, нам завтра вставать рано и в лес идти. А ты здесь за дитем присмотришь, и коника ему вырежешь. День был долгий, все устали, отдохнуть пора бы, – насупился скучающий Деян.

⁴ *Коник* – амулет в виде деревянной игрушечной лошади, часто раскрашивался узорами.

– Опять ворчишь, дед...

– Нет, это все взаправду пригодится, – поднял голову Ярун. – Байки, которые в детстве слышал, однажды уже жизнь мне спасли.

– Эвона что! Какая же история там вышла? – с интересом прищурился Деян.

– Ты нам хоть поведай, что с тобой приключилось и от какой нежити бежишь? – поддержала мужа Доброслава.

Ярун осторожно проверил, что сын крепко спит в корзине, накрыл его теплым платком и повернулся обратно к собеседникам.

– Расскажу, так и быть. Только история эта на правду не слишком похожа, услышал от кого – сам не поверил бы.

– Не переживай, мы за свою долгую жизнь чего токмо не наслушались, да и видали всякое.

– Была у меня жена... нет, не с этого начать стоит. Жил у нас в деревне вдовец с дочерью – Ярославой⁵. Жена у него ведьмой злобной была, так что девчонку тоже никто не любил. Особенно матушка моя Ярославу ненавидела, издевалась и говорила, что кузнецова ведьма, пока жива была, дорогу ей перешла и чуть жизнь не сломала. А вот отец у девчонки – добрый человек, его не трогали, но и он дочь свою особо не защищал, уж не знаю почему. Я тоже Ярославе дерзил и отыгрывался за обиды матери, то есть не лучше других себя вел. А она, говорили, влюблена была без памяти. Не стоило ведьмину дочку обижать. Да и не надо было травить ее, может, не случилось бы тогда ничего худого, – Ярун выдохнул и налил себе из кувшина квасу, а дальше стал рассказывать медленнее, осторожно подбирая слова. – К нам тогда в деревню хворь пришла, несколько человек умерло, кузнец тоже занемог, а дочь его вдруг пропала на несколько месяцев, словно провалилась сквозь землю. Да ее и искать никто не стал, не вспоминали даже. Мне вообще дела не было – наша семья зажиточная, отгородились от всех забором, болезнь переждали, горя не ведали. Потом к свадьбе стали готовиться – я в жены собирался взять Любаву, первую умницу и красавицу. Хотели всей деревней отпраздновать, с отцом дом новый построили. И вдруг появилась эта ведьмина дочка как из ниоткуда, – Ярун молча допил квас, растягивая каждый глоток.

– А дальше-то что было? – не выдержал Деян.

– А я сам уже смутно помню. В один миг все меняться стало, будто меня по голове мешком тяжелым ударили: чувства исчезли, радость пропала, Любава раздражать начала. Все, что раньше дорого было, – чужим, далеким и ненужным стало. Во мне будто волю к жизни убили. Дальше я лишь бездумно выполнял приказы, которые в моей голове звучали голосом ведьминой дочери. Сам в ночной лес пошел и рядом с болотом веревку растянул, берег раскопал, чтобы он совсем скользким и крутым стал. Помолвку с Любавой разорвал, а новую заключил с нелюбимой. И не чувствовал ничего, когда соседи весть принесли, что в том самом болоте моя бывшая невеста через день утонула. Я больше года прожил как в тумане, чужими помыслами и волей: женился на ведьме и исполнял все, что она приказывала. Дальше уж не знаю, что произошло, видимо, чары ее ослабили: я вдруг начал сопротивляться и замечать, что от жены моей люди шарахаются и на другую сторону улицы переходят, а за спиной шепчутся, будто Ярослава всех обидчиков на тот свет сживает. И что сына она к колдовству с малолетства приучает. А еще, что мать моя давно больна. Я вдруг понял, что девчонка, которую мы всей деревней с детства дразнили, сама на себя не похожа стала... много увидел такого, чего до того заметить не мог.

– Так жена тебя задурманила и приворожила? Взаправду ведьмой оказалась? – охнула бабка Доброслава.

⁵ Подробнее о событиях в книге «Сказ о Яре и Чернаве».

– Еще какой. Я выследил ее и поймал колдующей у курганов. Оборачивается ко мне: лицо чужое, страшное, голос замогильный, персты когтистые, волосы седые... показались вдруг тогда все духи людей, что она на тот свет отправила, вместе с Любовью, моей утонувшей невестой. Подсказали, как с нечистью справиться: тут я и вспомнил, что сила ведьмы – в косе, которую надо срезать, а потом слова заветные прочитать, чтобы изгнать ее в Навь, мир мертвых.

– Неужели сам убил ее? – охнула пораженно Доброслава.

– Туда ей и дорога! – поежился старик Деян.

– Сгинула она, да, – коротко кивнул Ярун, наливая себе еще квасу.

– А ты боишься, что она не навсегда пропала? – Доброслава завернулась в теплый платок, подрагивая, словно от холода, хотя в избе было натоплено.

– Не знаю, – покачал головой Ярун. – Но думается мне, что просто так нас ведьма, даже мертвая, не оставит. Уж не ее ли дух замечает Стожар?

Долго тройца сидела в тишине, глядя на догорающую между пустыми тарелками свечу. Огонь потрескивал и немного чадил. Было неуютно, каждый незаметно оглядывался то на темные окна, то на корзину со спящим ребенком и прятал пробегающие по коже мурашки.

– Пожалуй, хватит с нас историй про страшилищ. Утро вечера мудренее, так что все по лавкам – спать, – наконец прервал молчание хозяин дома.

– Даже теперь после истории про жену-ведьму вы не погоните нас со двора? – исподлобья взглянул на него Ярун.

– Я от слов своих не отказываюсь. Раз решили, что здесь ваш дом, так тому и впредь быть. А с нежитью... поборемся как-нибудь, пчелок лесных на нее натравим, – зевнул старик Деян, отправляясь спать и уводя за собой жену.

Ярун еще недолго посидел в тишине за столом, а затем убрался и задул свечу. В его груди разливались тепло и тихая благодарность, что была ярче любого огня.

* * *

– Матушка моя знахаркой была, соседушек травами лечила, кости переломанные на место ставила. Добренькая была. Деревенские, чуть какая беда случится, за помощью к ней бежали, а в остальные дни лишь в спину плевали да ведьмой называли. Без отца она меня растила, тот тоже с ведьмой жить не захотел, к другой девке ушел, – в черных глазах Стужи вновь загорелись красные искры, зажглось пламя ненависти и обиды. – Уже в детстве я поняла, что людям сколько добра не делай – толку от этого не будет, и любить их не за что. А вот меня матушка холила, лелеяла и говорила, что краше меня нет во всем свете. У нее, одинокой и несчастной, других радостей в жизни не было, кроме любимой дочери. Ты там плестись успеваешь?

Две ведьмы с привязанными душами-пленницами пробирались через мертвый лес.

– А куда мы спешим? Может, передохнем хоть чуточку? – ныла Чернава, еле успевая за матерью. Стужа закатила черные глаза, остановилась и присела на поваленное дерево, зацепив за ветку своих прислуг-пленников. Чернава сползла рядом на землю и уселась у корней.

– Ты просто еще не привыкла быть мертвой: когда нет настоящего тела, то и в ногах нет усталости. Боль и тяжесть поначалу ощущаются лишь по привычке, но и это скоро пройдет.

– А они тоже боли не чувствуют? Им как будто всегда плохо... – Чернава кивнула в сторону двух привязанных душ. Полузвериные-получеловеческие морды зашевелились, существа испуганно уставились на нее, не привыкшие, что кто-то может о них вспоминать.

– Не обращай внимания, они даже не люди. Так... чернь. Прислуга.

– И как они такими стали? – с подозрением покосилась на мать Чернава.

– Боишься рядом на веревке оказаться? – хмыкнула Стужа. – Тебе уже не грозит. Эти двое мне свои души заложили еще при жизни. Один богатства легкого хотел, вторая – привороты действенного, а теперь расплачиваются за желания.

Чернава поежилась, растирая плечи холодными руками и раздумывая о том, что судьба пленников в чем-то схожа с ее собственной.

– Пока отдыхаешь, слушай дальше, раз спросила. Матушка моя бедная умерла от хвори, когда мне тринадцать годков минуло. Не смогла себя травами спасти. А имя она мне при рождении ласковое давала – Метелица, рожденная зимой. Стужей пришлось стать уже в Нави: после матушкиной смерти деревенские наш дом спалили, опасаясь хвори и ведьминога духа, а я отпор дать им не могла, колдовством еще не владела, защищать было некому. Вот и пришлось уйти на границу Яви и Нави, во владения Яги. Там я впервые встретила нежить, духов, узнала секреты колдовства...

– У Яги? Старая знакомая, мне помочь пыталась... – обрадовалась Чернава.

– Да ну ее к Кошечевым морозам. Все о смертных людишках печется, вечно кого-то спасает, надеясь, что зла и горя среди людей меньше станет, – Стужа презрительно плюнула на черную землю. – Я от ее помощи быстро отказалась, а ворожить научилась у духов древних ведьм. Ты так же весь последний год с нежитью общалась и тайны колдовства от них узнавала.

– Было такое, – дернула плечами Чернава. – А как же вы с батюшкой моим встретились?

– С кузнецом? – уголок рта Стужи криво дернулся вверх. – Обучившись, я вернулась из Нави, но в другую деревню, поселилась там на краю. Нашла жениха зажиточного из хорошей семьи, долго привораживала, а он все равно на другой женился, противной девке. А кузнец мне не по сердцу был, зато не бедный, да и на меня смотрел влюбленно – выйти замуж за Всемила было проще простого. Вот и вся история.

– А как же любовь? – расстроилась Чернава.

– Любовь? Поганое бестолковое чувство, знать о нем ничего не желаю. Мне хотелось власти, богатства, чтобы не нуждаться и не считать каждую краюшку хлеба, как в детстве. Пусть боялись даже близко подходить, зато в спину не плевали, как моей матери. Добренькой знахаркой я становиться не собиралась: днем порядочной женой прикидывалась, а ночью – ворожила, отбирая у соседей все. Богатство, здоровье, урожай, семейное счастье – я их лишала всего, что мне по нраву было и хотелось себе присвоить. В нашем доме все в достатке было, а муж оставался слепым глупцом, не замечал странностей, потому что любил меня до безумия. Особенно он обрадовался, когда ты родилась, хоть и мечтал больше о сыне. Зато у моих ног могли оказаться весь мир и власть над людскими душами. Казалось, что никто меня не остановит, захочу – да и княгиней сделаюсь. Но эти дурни деревенские сговорились и поймали меня на капище за обрядом и забили камнями насмерть. Ничего, я напоследок двоих с собой в Навь утянула. Видела бы ты их перекошенные лица с выпученными глазами, когда двое людей вдруг зверями лысыми обратились да провалились с воем под землю. До сих пор, небось, вспоминают... – мерзко захохотала Стужа.

Существа испуганно прижались друг к другу и заскулили. Чернава смотрела на них со смесью жалости и отвращения, незаметно отодвигаясь подальше.

– Что, дочь, не по нраву слуги мои? Уж какие есть. Хотела больше знать про меня – теперь знаешь.

– Я все детство верила, что люди лгут, а моя мать – не злобная ведьма. А я – тем более... Отец тебя взаправду любил, раз от меня всю жизнь истину скрывал и говорил, что злые языки попусту болтают, – голос Чернавы дрогнул и зазвучал высоко, пронзительно, слезливо.

– И что теперь, правда глаза колет? От твоих слез толку нет, в Нави и без того сыро. Лучше уж меня внимательно слушай, ежели хочешь выбраться отсюда.

– А есть способ? – перебирая в пальцах рваную ткань рукава, Чернава до боли закусила губу и подняла глаза на мать.

– Да так, поверье есть одно народное, – Стужа наклонилась вперед и заговорила тихо, с легким трепетом в скрипучем голосе. – Гласит оно, что ежели у ведьмы родится ведьма, а у той – снова ведьма, то последняя в мир приведет колдуна сильнейшего. У всех живых людей темная часть души обитает в Нави, а у черных ворожеев она с ними с самого рождения, потому такие колдовством живут и дышат и Навь и нежить всякую видеть могут. По грани жизни и смерти они с рождения ходят, словно в царстве Яги вечно живут. Коли этакий колдун в полную силу войдет, то он тебе хоть реки вспять повернуть сможет, хоть кровью их оборотить. По его воле мертвые из могил восстать могут и живыми править. Людям он принесет лишь страдания, но нам – мертвым – такой колдун путь в мир живых легко откроет. Ажно⁶ отправляемся мы к самой границе Нави, где я буду учить тебя всему: как смертным во снах являться, как нечисть своей воле подчинять, как врагов с ума сводить. А когда настанет время – обратимся за помощью к хозяину здешних земель, чтобы он помог к колдуну подобраться...

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Пойдем, куда скажешь, сделаю, что захочешь. Мне терять нечего, хуже уже не делается. Только где ты колдуна такого сыщешь и нас из мира мертвых вытащить заставишь?

– Не догадалась? – удивилась Стужа. – Время уже настало, осталось дожидаться, когда чародей силу наберет. Видимо, плохо ты меня слушала, раз не поняла, кто он.

⁶ *Ажно* – так что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.